

international
alert

Видение мира

Анализ взглядов на
нагорно-карабахский конфликт

Инициатива Европейского Союза

Peace
is within
our power

Об International Alert

International Alert работает с пострадавшим от конфликтов населением для построения устойчивого мира. Мы убеждены в том, что мир можно построить только совместными усилиями. Мы содействуем ликвидации коренных причин конфликтов и сближению людей и сообществ, разделенных противостоянием. Наши усилия по построению мира подразумевают работу на всех уровнях – от местных сообществ до правительственных структур.

Достижение мира зависит не только от подписания договоров и разоружения противостоящих сторон, но и от мирного сосуществования сообществ и их способности разрешать возникающие противоречия, не прибегая к насилию. Мы убеждены в том, что каждый может внести свою лепту в построение мирного будущего.

www.international-alert.org

© International Alert 2018

Все права защищены. Никакая часть данной публикации не может воспроизводиться или передаваться ни в какой форме и никакими средствами, включая электронные, механические, фотокопировальные средства, средства записи и любые другие системы сохранения и изъятия информации, а также использоваться любым иным способом без полного указания имени автора и источника заимствования.

Макет: D. R. ink

Фото на обложке: © Bertrand Rieger/Hemis/Alamy

international
alert

Видение мира

Анализ взглядов на нагорно-карабахский
конфликт

Лариса Сотиева с Ардой Инал-Ипа, Джаной Джавахишвили и
Лианой Кварчелия

Октябрь 2018

Благодарности

International Alert выражает благодарность всем, кто принял участие в подготовке, проведении и анализе данного исследования. Отдельная благодарность выражается нашим местным партнерам: Анару Эюбову, Авазу Гасанову, Гегаму Багдасаряну, Маргарите Ахвледиани, Марку Григоряну, Масису Маилян, Микаэлю Золян и Шахину Рзаеву за их вклад в разработку методологии и анализ данных. Мы также благодарны группе молодых исследователей за сбор данных, включая Алвард Саркисян, Ануш Газарян, Бахтияра Асланова, Давита Оганяна, Магеррама Зейналова, Нарине Агалян, Рафига Мурадова, Севиндж Самадзаде, Вафу Зейналову, Зою Маилян.

Публикация осуществлена в рамках инициативы Европейского Союза «Европейское партнерство по мирному урегулированию конфликта вокруг Нагорного Карабаха (ЕПНК)». International Alert также благодарит за поддержку следующих стратегических спонсоров: Министерство иностранных дел Нидерландов, Министерство иностранных дел и торговли Ирландии и Шведское агентство международного сотрудничества в области развития.

Только International Alert несет ответственность за содержание публикации, которое не отражает точки зрения или политику наших доноров.

Содержание

1. Введение	4
2. Методология	5
3. Вопрос идентичности	7
Конфликт как неотъемлемая часть идентичности	7
Парадокс дегуманизации	7
4. Распределение функций и обязанностей	9
Гендерный и поколенческий разрывы	9
Разрыв между центром и периферией	10
Разделение между принимающей стороной и перемещенными лицами	11
Роль властей и третьих сторон	12
5. Конфликт, мир и компромисс	13
Мифы и пропаганда	13
Псевдоудовлетворение потребностей	15
Терминология мира и компромисса	15
6. Рекомендации	17
Работа над вопросами идентичности	17
Работа с определенными целевыми группами	17
Работа над дискурсом	18
Работа по развитию различных форм диалога	19

© JAMnews/Hakob Hovhannisyán

1. Введение

По сей день нагорно-карабахский конфликт, взорвавшийся в начале 1990-х годов, остается одним из наиболее опасных и малопредсказуемых на всей территории бывшего СССР. Несмотря на популярную риторику о «замороженном» характере конфликта, вдоль международной границы и линии соприкосновения в зоне конфликта продолжают гибнуть гражданские лица и военнослужащие. Более того, кровавые столкновения в апреле 2016 г. вновь продемонстрировали миру готовность сторон к военной конфронтации как средству «разрешения» конфликта.

Имея за плечами более чем двадцатипятилетний опыт участия в миротворческих инициативах по данному конфликту на разных уровнях¹, организация International Alert предприняла попытку провести исследование, которое бы показало возможные альтернативы войне, пути трансформации конфликта, исходящие от самих обществ, а также возможности и подходы, которые на данный момент не стоят на повестке дня у сторон и внешних медиаторов.

Результаты исследований подтверждают разнообразные и широко распространенные гипотезы, касающиеся конфликта. Однако, они также способствуют опровержению целого ряда стереотипов, формирующих отношение к конфликту у людей, проживающих в Армении, Азербайджане и Нагорном Карабахе, а также у внешних экспертов. Результаты исследования демонстрируют, что все три общества объединяет целый ряд общих тенденций, равно как и некоторые серьезные различия, касающиеся ряда аспектов проблем вокруг конфликта.

Мы надеемся, что сформулированные в данной работе выводы и рекомендации окажутся полезными для всех сторон конфликта, равно как и для внешних акторов, вовлеченных в процесс поиска мирного решения. Мы планируем широкое распространение результатов исследования с целью использования их в качестве пищи для размышлений, анализа и поиска оригинальных идей, исходящих непосредственно от представителей обществ, вовлеченных в конфликт, что позволит реализовать практические шаги для обеспечения мирной жизни всех тех, кто живет там.

1 Дополнительную информацию см. в Advancing the prospects for peace: 20 years of civil peacebuilding in the context of the Nagorny Karabakh conflict, International Alert, August 2013, https://www.international-alert.org/sites/default/files/Caucasus_NagornyKarabakh_CivilPeacebuilding20Years_EN_2013.pdf

2. Методология

International Alert совместно с группой региональных экспертов разработала методологию качественного исследования, основанного на углубленных полуструктурированных интервью с представителями различных социальных групп внутри трех обществ. Нами был применен ретроспективный подход к рассуждению о цене, которую пришлось заплатить за конфликт и через это осмыслить цену мира. Респондентам было предложено поделиться своим видением перспектив трансформации конфликта через призму своего личного опыта. Им была предоставлена возможность поразмышлять над тем, какой могла бы быть их собственная жизнь и жизнь окружающих, если бы не было войны, и рассмотреть действия, которые они сами могли бы предпринять с целью достижения мира.

Данная методология позволяет наметить пути движения вперед и очертить те компромиссные решения, которые позволят избежать передачи прожитой участи будущим поколениям. Такая оценка и анализ личных мнений отдельных граждан стали тем инструментом, который помог нам выявить общественный потенциал и возможные ресурсы по мирному урегулированию конфликта во всех трех обществах.

Использование данной методологии позволило собрать мнения рядовых людей, чей голос часто игнорируется в вопросах, имеющих отношение к урегулированию конфликта. Мы стремились понять их надежды, страхи и планы на будущее, взглянув на это через перспективу личного опыта этих людей. Анализ подобных глубоко личных историй позволил нам подробно изучить и понять степень влияния, которое конфликт оказал на все участвующие в нем стороны, а также очертить сферы, потенциально способствующие дальнейшей трансформации конфликта. Помимо всего сказанного, данное исследование дало рядовым людям шанс высказаться по поводу своего конфликта, что, в свою очередь, позволило им почувствовать, что их мнение тоже имеет значение. Анализ был проведен командой экспертов, в том числе психологов, что позволило нам понять факторы отношений между индивидами и их средой.

В целях использования вышеуказанной методологии организация *International Alert* подготовила группу молодых исследователей из региона. Процесс совместного обучения предоставил каждому из этих людей уникальную возможность встретиться представителем «другой стороны»; для многих из них такая встреча оказалась первой в жизни. Эти юноши и девушки, многие из которых только начинают свою деятельность в миротворчестве, провели 110 опросов в 41 географической местности², как в столицах и других городах, так и в сельских населенных пунктах, вдоль линии соприкосновения в зоне конфликта, а также на территориях компактного проживания внутренне перемещенных лиц (ВПЛ). Для того чтобы обеспечить инклюзивность отбора мнений и оценок, мы стремились максимально тщательно соблюдать баланс между опрашиваемыми, в том числе гендерный, социальный и возрастной.

Исследователям пришлось столкнуться с целым спектром различных проблем на этапе сбора данных. Сама тема исследования отличается повышенной чувствительностью с политической точки зрения. Помимо этого, внутренние психологические барьеры исследователей как следствие того факта, что сами они живут в состоянии неопределенности, могут отражаться на как на процессе, так и на результатах. Каждое интервью исследователи сопровождали своими собственными комментариями, что позволило на этапе анализа оценить, в какой степени их личный травмирующий опыт влияет на собранную ими информацию. Несмотря на вышесказанное, а также на наличие

2 Мы не раскрываем названия географических локаций из соображений безопасности партнеров и участников проекта.

противоречий по некоторым из вопросов, все три общества продемонстрировали определенную гибкость мышления и способность видеть положительное в отрицательном. Был собран гигантский массив информации, отличающейся высокой степенью эмоциональности, равно как и глубокими размышлениями о воздействии конфликта на жизнь обычных людей.

В завершение нам кажется важным отметить, что мы проводили опросы в конце 2017 г., а анализ полученных данных был осуществлен в первой половине 2018-го. Поэтому, несмотря на то, что события в политической жизни Армении в апреле 2018 г. скорее всего не оказали прямого влияния на результаты исследования, они, тем не менее, учитывались нами в процессе формулировки рекомендаций.

3. Вопрос идентичности

Конфликт как неотъемлемая часть идентичности

В течение долгих лет своего существования нагорно-карабахский конфликт оказал столь глубокое влияние на людей, что оказался полностью интегрирован в осознание ими своей идентичности. Люди перестали воспринимать себя и свою жизнь в отрыве от конфликта. Иными словами, конфликт стал для них ежедневной реальностью. Попытка препарировать свою идентичность и критически ее осмыслить – сложный и болезненный процесс. Это может объяснять, почему большинство респондентов заявили, что конфликт не оказывает на них никакого влияния.

Но в реальности это исследование показывает, что люди планируют свою жизнь через конфликт, вокруг конфликта и с конфликтом. Интересно отметить, что в разных сообществах различается отношение к планированию собственной жизни. Например, жители Армении и Азербайджана отмечают, что им сложно планировать свое будущее в долгосрочной перспективе. Это может быть обусловлено тем, что люди живут в соответствии с системой «выученной беспомощности», которую психологи описывают как душевное состояние, при котором предыдущий отрицательный опыт людей заставляет их верить в то, что у них нет контроля над ситуацией, поэтому они даже не пытаются ее контролировать. Напротив, в Нагорном Карабахе утверждают, что способны планировать свою жизнь на много лет вперед.

Хотя подобное отношение объясняется механизмом психологической адаптации, оно, тем не менее, создает серьезные риски, поскольку способно создавать ситуацию, когда индивидуумы, именно по причине восприятия сложившегося положения дел как нормального, могут подсознательно начать демонстрировать сопротивление любой попытке разрешения конфликта.

Парадокс дегуманизации

«Нормализация» конфликта привела в первую очередь к дегуманизации людей, вынужденных жить в его реалиях. Феномен дегуманизации имеет давнюю историю во всех трех обществах, но в каждом она особенная. При дегуманизации стирается личная история индивида, обесценивается сознание уникальности и ценности каждой жизни в угоду интересам

«Я даже не думал, как моя жизнь сложится без конфликта, потому что он есть. [...] Глупо было бы отвечать на этот вопрос, потому что это было бы сплошной теорией».

«Я родилась во время войны, отношусь к поколению независимости и уже не представляю себе жизнь без конфликта. Мой отец был военным во время войны, и с детства я ощущала на себе влияние войны».

«Либо мы должны погибнуть раз и навсегда, либо, вернув свои земли, найти успокоение...»

© JAMnews/Knar Babayan

«Мы прекрасно уживались с армянами. Почему бы нам не жить снова вместе? Я помню время, когда крыши и дома нам ремонтировали в основном армянские строители. Они часто становились «кирвами» (названный отец, держащий в руках младенца во время обрезания). Наши мужчины женились на армянках. Армяне – добрый народ. Простые люди в Армении ни в чем не виноваты».

социальной группы. Спусковой крючок дегуманизации в конфликте срабатывает в тот момент, когда начинается процесс его мифологизации и он воспринимается с этого момента как бесконечный и неуправляемый поток. По сравнению с масштабом конфликта, личность обесценивается, человек становится невидимым, незначимым, и даже смерть начинает восприниматься как приемлемая плата за «важный» конфликт. Ценность каждой отдельной человеческой жизни уменьшается по мере того, как внимание людей перемещается на центральную тему победы или поражения в конфликте.

И хотя дегуманизация «других» является распространенным механизмом совладания во время конфликта, в данном контексте он отражает также советский стиль мышления, где государственные цели стояли на первом месте, а граждане были лишь средством их достижения. Преобладание коллективного мнения над индивидуальным приводило к обесцениванию личного мнения и, соответственно, веры в способность индивидуума повлиять на изменения в обществе.

С другой стороны, когда респонденты формулировали свои ответы о перспективах урегулирования конфликта и взаимодействия с представителями «той стороны», собранные данные свидетельствовали о наличии расхождений в ответах. Эти расхождения зависели от того, говорили в этот момент респонденты от себя лично или выражали мнение своей социальной группы. Поэтому в своих ответах сами индивидуумы предпочитают воспринимать лично себя гораздо более толерантными и открытыми к компромиссу, нежели в целом сообщество, общество или иная форма группового объединения, к которому они принадлежат.

4. Распределение функций и обязанностей

В данном регионе можно отметить наличие консенсуса относительно распределения социальных функций и ответственности. В рамках созданной социальной структуры общество сумело достаточно эффективно делегировать ответственность за управление конфликтом и его разрешение отдельным группам граждан.

«Мир – это жизнь без войны и конфликта, и неважно, идет ли речь об отношениях между двумя странами или внутри семьи».

Гендерный и поколенческий разрывы

Несмотря на то, что, по мнению респондентов, все слои общества страдают от конфликта – особенно дети, женщины, военнослужащие, малоимущие и проживающие в приграничных районах, – ответственность за то, что связано с конфликтом, в основном возлагается на мужчин старшего возраста (хотя в Нагорном Карабахе эта ответственность в первую очередь воспринимается как общая). Такой тип делегирования может демонстрировать склонность к отказу от принятия ответственности за решение кажущейся чрезвычайно сложной и неразрешимой проблемы. При этом подобный подход делегирования также отражает желание сохранить чувство вовлеченности, контроля над ситуацией, сохраняя ощущение того, что общество способно функционировать «нормально» в ненормальных условиях. Этот феномен отражает активное функционирование общественных и, возможно, традиционных механизмов психологической адаптации.

Исследование гендерных вопросов, представляющих систему сложных связей между различными аспектами идентичности личности, куда входят возраст, социальный класс, сексуальная ориентация, семейное положение, этническая или религиозная принадлежность, требует комплексного подхода с применением специальной методологии и поэтому выходит за рамки данного исследования. Тем не менее, можно предположить, что длительный характер конфликта способствует консервации жестких моделей патриархального распределения гендерных ролей, в рамках которых женщинам отводятся, например, функции заботы о детях и их воспитании, а также поддержки мужчин, в т.ч. в вопросах, связанных со всеми аспектами, относящимися к конфликту. Отчасти по этой причине некоторые исследователи столкнулись с определенными сложностями в привлечении женщин к участию в опросах (в первую очередь это относилось к молодым женщинам, проживающим на территории Азербайджана).

Старшее поколение оказалось неспособным или неготовым к делегированию ответственности за конфликт молодым поколениям. Это может объясняться многолетней вовлеченностью старшего поколения в конфликт, желанием защитить от него более молодых людей или же отсутствием веры в способность молодого поколения решить эту проблему. Нагорный Карабах в этих вопросах опять-таки стоит особняком: там респонденты отмечали, что в апреле 2016 г. молодое поколение получило опыт боевых действий и этот процесс сопровождался принятием ответственности за конфликт, что сделало фактор возраста менее значимым.

(© JAMnews/Теймур Захидоглу)

Дополнительно следует отметить, что к настоящему моменту сформировалось целое поколение молодежи, выросшее в условиях отсутствия какого-либо взаимодействия или опыта проживания с «той стороной». Это создает богатую почву для искажений в восприятии действительности, формирования стереотипов и манипуляции эмоциями. Несмотря на то, что молодежь (но не в Нагорном Карабахе) рассматривает себя вне контекста конфликта и считает себя более прогрессивным поколением, это никоим образом не делает ее более миролюбивой. Как раз наоборот, многие из представителей этого поколения заявили, что в случае начала новой войны готовы взять в руки оружие.

«Если вы спросите сельчан, которые живут на границе, они категорически против войны, а если спросите молодых людей в [столице] или в других городах, они хотят войны, и им пофиг на жителей сел, и им просто повоевать...»

Разрыв между центром и периферией

Различия в оценке и восприятии конфликта заметны не только по линиям раздела «индивидуум/группа» и «молодые/пожилые», но и в среде различных социальных подгрупп внутри самих обществ и сопровождаются аналогичным распределением функций и ответственности. Жители столичных городов отличаются наличием вполне четкого видения того, как должно жить население приграничных районов и какими качествами оно должно обладать. Они вполне однозначно выражают, каким должен быть уровень патриотизма в среде граждан, проживающих рядом с линией фронта, чтобы те могли спокойно заниматься своими

делами, пока пули свистят у них над головами. В данной ситуации также присутствует элемент делегирования ответственности – население, проживающее далеко от линии соприкосновения, таким образом пытается сохранять связь с конфликтом, реализовать свой патриотический долг и чувствовать свою полезность.

С этой точки зрения между Арменией и Азербайджаном немного отличий: чем дальше люди живут от линии фронта, тем громче они говорят о патриотизме. Аналогичная разница во взглядах на конфликт была отмечена у респондентов, проживающих в Армении и в Нагорном Карабахе с одной стороны, и жителями Баку и прифронтной зоны – с другой. Однако внутри Нагорного Карабаха такого общественного расслоения по данному вопросу не было выявлено.

Разделение между принимающей стороной и перемещенными лицами

Во всех трех обществах наблюдается тенденция исключать из дискуссии о конфликте тех, кто наиболее пострадал в результате войны, – беженцев и ВПЛ. По ряду разных причин и власти, и само общество стремятся маргинализировать эти группы и предотвратить их трансформацию в независимых акторов. Им выгоднее видеть эти группы в качестве проводников государственных интересов, связанных с конфликтом и решением внутривнутриполитических задач.

Для большей части населения беженцы и ВПЛ выполняют роль тех, на которых можно переложить ответственность за все проблемы, с которыми сталкивается общество, тех, с кем себя можно выгодно сравнить. Кроме того, их часто путают с экономическими мигрантами, что является распространенной проблемой во многих обществах и усиливает дегуманизацию.

«Я продолжу жить своей жизнью, пока не настанет мир. Тем, кто живет в зоне соприкосновения или на границе, в первую очередь надо вести себя осторожно. А после этого жить так, как жили всегда. [...] ...и говорят: «Ничего мы не боимся. И останемся здесь до конца жизни».

«Люди на спорных и приграничных территориях, к сожалению, должны привыкнуть, что в них стреляют, – по моему, уже даже привыкли».

«Все-таки есть вынужденные переселенцы и беженцы, которые заняли важные места в нашем обществе. До того [...] они] никогда не играли важную роль в жизни бакинского общества, но сейчас они [...] играют более важную роль, чем местные, к примеру. [...] И не будь их, общество было бы другое».

«Я очень мало видел людей, которые бы хотели в Карабах. Даже среди стариков. И плюс они уже привыкли. Вот ежели они вернуться, то да, они будут страдать. Потому что жизнь в Баку и в Агдаме – это не одно и то же».

«Нам хотелось бы избавиться от прозвища «беженцы», которым нас обзывают все местные».

«Все ждут приказа нашего Верховного главнокомандующего. Прикажет, все пойдут воевать. Жить надо изо всех сил. Конечно, люди живут в опасности. Нет у них возможности жить мирно. Главное, чтобы правительство их поддерживало. А мы должны поддерживать наше правительство».

«Конечно же, страдают обычный человек и обычный народ, а на олигархов, я думаю, мало что влияет в нашей стране. Им все равно».

Ответная реакция ВПЛ и беженцев на факты подобной социальной изоляции варьируется и не всегда совпадает с «официальной» линией. Травмирующий опыт войны, годы, проведенные в отрыве от привычной среды, потеря своих привычных социальных функций и поддержки привели к тому, что часть представителей этой группы смирилась с наклеенными на нее ярлыками.

Роль властей и третьих сторон

Поскольку в восприятии людей за прошедшие долгие тяжелые годы сложилось базовое допущение, что их конфликт чрезмерно масштабный и неподдающийся решению мирными средствами, большинство приняло свою собственную беспомощность что-то изменить в подобной ситуации и смирились с ней. В результате они предпочитают делегировать ответственность представителям третьих сторон. Большинство респондентов сообщили нам, что, по их мнению, урегулированием конфликта должны заниматься официальные власти и представители третьих сторон, таких, как Минская группа ОБСЕ, США и Россия.

Однако парадокс в том, что люди не испытывают доверия к этим внешним акторам. Полученные ответы демонстрируют низкий уровень доверия, в частности, к роли России, которая воспринимается в качестве основного внешнего игрока. Респонденты указывали на сочетание ее позиции медиатора и поставщика вооружений сторонам конфликта. Более того, респонденты во всех трех обществах продемонстрировали низкий уровень доверия к своим собственным властям, когда косвенно говорили о необходимости торжества социальной справедливости и о вопросах коррупции. Упоминание этой проблемы, ставшей для всех трех обществ объединяющим фактором, появилось, когда опрашиваемые искали ответы на вопрос, кому могут быть выгодны война или сохранение ситуации «ни мира, ни войны».

5. Конфликт, мир и компромисс

Мифы и пропаганда

Понятие силы в контексте конфликта со временем обросло мифами и приобрело утилитарный характер, судя по ответам, которые сформулировали респонденты, представляющие все три стороны. Согласно этим ответам, сила воспринимается как сочетание власти и денег, которые способны как породить конфликт и манипулировать им, так и урегулировать его. Такой силой обладают власть, третьи стороны, бизнес, диаспоры, международные неправительственные организации (МНПО), а также иные акторы, обладающие ресурсом в виде денег и влияния.

Мифологизирован масштаб конфликта и возможности его мирного урегулирования. Большинство респондентов воспринимают конфликт как огромный, бесконечный и, соответственно, сложный и не поддающийся разрешению мирными способами. Согласно этой логике, только военная сила может справиться с феноменом такого масштаба. У людей отсутствует вера в возможности мирного процесса, в их представлении сила войны сильнее, чем сила мира.

Еще одна сторона мифологизации конфликта заключается в том, что он превращается в явление абсолютной важности и даже обладающее определенной ценностью. Это может быть обусловлено накопившимся эмоциональным грузом осознания той цены, которую уже пришлось заплатить за конфликт, и которую общества продолжают платить. Здесь следует отметить, что этому способствуют многие факторы, в том числе и риторика официальных властей, представляющих конфликт как абсолютно неразрешимый, и рассуждения многих респондентов о том, как на конфликте наживаются и внутренние, и внешние акторы.

Желание ощутить свою принадлежность к столь ценному и важному феномену и такому ресурсу за долгие годы «ни мира, ни войны» выработало у сторон отношение к конфликту как к некоему предмету торговли.

Особое недоверие к государственной пропаганде было отмечено именно среди респондентов в Азербайджане. Они рассматривают напор, с которым СМИ стремятся создать и культивировать образ врага, как фактор, который может легко спровоцировать конфликт, и на данном этапе является серьезным препятствием в

«Карабахский конфликт особенно вызывает [тревогу], потому что, например, когда я читаю ленту в соцсетях, ты понимаешь, что вместе с тем, что начинается хаос, ты ничего не можешь сделать. Ничего – и это пугает».

«Новое поколение мыслит по-другому, все стало более сакральным. Допустим, если остановить тут у парка автобус и начать скандировать «Карабах наш!», набегит народ и тоже будет кричать. А потом открыть дверь автобуса и сказать: «Поехали брать Карабах», все вдруг вспомнят, что у них детей из садика надо забрать и все прочее».

«У нас война не идет, но идет информационная война. Эта война влияет».

© JAMnews/Knar Babayan

«Я верю в то, что могу что-то изменить, даже просто делясь своими знаниями и стремлением к миру с более молодым поколением, [...] избавиться от языка ненависти и всего негатива, что, надеюсь, и сможет когда-нибудь способствовать мирному урегулированию конфликта».

поисках путей его трансформации. Многие из опрошенных выразили обеспокоенность тем, что подобная пропаганда и язык ненависти в отношении противоположной стороны могут сказаться на последующих поколениях как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества в целом.

Исходя из этих наблюдений, можно предположить, что процесс поиска и становления идентичности азербайджанского общества происходит отчасти и за счет активизации такого рода пропаганды. Это означает, что существует серьезная опасность того, что общественный потенциал и индивидуальные голоса в поиске мирного урегулирования рискуют со временем стать еще слабее и непопулярнее в этой стране.

Хотя респонденты в Армении напрямую не обозначали пропаганду в качестве проблемы, тем не менее, и в Армении, и в Нагорном Карабахе на заданные им косвенные вопросы респонденты формулировали свои ответы в контексте ярко выраженной националистической риторики, что напрямую связывает их взгляды на конфликт с вопросом национальной идентичности. И хотя они куда реже своих визави упоминали пропагандистское культивирование образа врага, это вовсе не означает, что их позиции отличаются большей гибкостью или демонстрируют

большую открытость к поиску компромисса. Можно предположить, что опрошенные рассматривают сохранение статус-кво в качестве «реализованной справедливости» и дальнейшего подтверждения собственной национальной идентичности.

Псевдоудовлетворение потребностей

Конфликт за долгие годы между миром и войной инструментализировался как властями, обществами, так и на индивидуальном уровне. Во всех трех сообществах были выражены мнения, что война может удовлетворить такие базовые потребности, как безопасность, идентичность, свобода и т.д.

Однако следует учесть, что вооруженный конфликт является лжеудовлетворителем данных потребностей, поскольку на самом деле разрушает возможность удовлетворения всех без исключения базовых человеческих потребностей.

Терминология мира и компромисса

Все три общества кажутся готовыми заплатить колоссальную цену – «лишь бы не было войны» (правда, это в меньшей степени касается Азербайджана).

Подобная ситуация работает на консервацию негативного мира, в то время как власти ведут приготовления к войне – при этом официальная риторика называет это ценой, которую приходится платить за сохранение мира. В обществах есть осознание приближения и неизбежности войны и, соответственно, страх. Это состояние как манипуляторный ресурс умело используется, чтобы отвлекать внимание народа от экономических проблем, от недовольства по поводу затрат на вооружение и неспособности обеспечить функционирование полноценных демократически ориентированных обществ. Внутри каждого из трех обществ существуют различия в интерпретации таких базовых терминов, как «мир» и «компромисс».

Во всех трех сообществах есть разногласия в понимании терминов, таких, как мир, конфликт, компромисс и др.

«Если бы не война, я думаю, у меня не было бы чувства борьбы, которое помогло мне в жизни и до сих пор помогает. С детства я привык, что у нас война, я никогда не боялся войны, я всегда знал, что мы победим».

«Как только у нас тут повышение цен, сразу же идет эскалация конфликта на границе – отвлекается внимание туда. И сразу же думаешь: лучше буду есть кусок хлеба, только чтоб не было войны».

«Когда ты выходишь в город и видишь красивые дома и хорошо одетых людей, и сравниваешь все это со своей собственной жизнью, тебе сразу хочется того, чем владеют эти люди. Это очень тяжело. У меня часто голова физически начинает болеть, когда я обо всем этом думаю».

«Мы стоим за спиной армии, мы должны жить полноценной жизнью и всегда помнить, что если бы не армия, то была бы катастрофа».

«Мы хотим мира. Справедливого мира. Несправедливый мир нам не нужен».

Все вкладывают свой собственный смысл в эти слова, не представляя, что они означают для других, но при этом часто выражая готовность и стремление к этим понятиям, подразумевая свою смысловую нагрузку. Иногда раздаются обвинения в том, что другие не готовы на то, **что** они декларируют как мир и компромисс. Все это, несомненно, оказывает серьезное влияние на процесс мирного урегулирования.

Многие армянские респонденты считали, что мир уже наступил, подразумевая под этим свой выигрыш. По их мнению, нет смысла еще что-то обсуждать, в то время как азербайджанские респонденты расценивают настоящее положение дел как проигрыш, что является для них огромным эмоциональным грузом, угнетающим их.

Большинство респондентов озвучивали потребность в мире, однако следует констатировать, что респонденты из Нагорного Карабаха и Армении понимали под этим стабильность, а азербайджанские респонденты под миром подразумевают справедливость. Интерпретация карабахских и армянских ответов позволяет утверждать, что карабахцы и жители Армении уже нашли свою справедливость, которую они искали со времен событий 1915 г. При этом стабильность в восприятии азербайджанских респондентов наступит лишь при достижении справедливости, а она означает возвращение территории.

6. Рекомендации

Данные рекомендации разработаны в помощь участникам мирного переговорного процесса, представителям политических кругов, грантодателям, местным и иностранным гражданским активистам, чьи усилия направлены на достижение взаимопонимания и мира между обществами, разделенными нагорно-карабахским конфликтом.

Работа над вопросами идентичности

- Критическое осмысление собственной идентичности – сложный и болезненный процесс. Тем не менее, **мотивация людей и общества к развитию критического мышления, в частности, к исследованию и изучению того, каким образом концепция идентичности становится объектом манипуляции**, даст возможность индивиду и обществам абстрагироваться от своей реальности, отделить конфликт от себя, посмотреть на себя, свой конфликт со стороны и понять свое место в этой большой манипулятивной схеме. Для того чтобы что-то менять в идентичности как на уровне индивида, так и на уровне общества, необходимо замещать это чем-то другим.
- **Разработка альтернативного исторического дискурса** по всем аспектам множественной идентичности, привнесение в общества ценности образа «героев мира» как альтернативы «героям войны» могли бы стать позитивной ролевой моделью и альтернативой этно-центрическим тенденциям.
- Для преодоления синдрома «выученной беспомощности» необходим процесс осознания тупиковости пассивности и того, что согласие на принятие решений за самих людей оказывает непосредственное влияние на их повседневную жизнь. **Следует развивать гражданскую активность на самых разных уровнях**, учитывая при этом разнообразные местные обстоятельства и факторы риска. Необходима рефлексия о том, что активная гражданская позиция не сводится исключительно к работе в НПО. Одновременно следует подчеркивать важность и ценность личного мнения. Подобные изменения будут приводить к ситуации, когда людям станет проще озвучивать, а затем и реализовывать на практике свои гражданские инициативы, отойти от принятия того, что диктует им их страна или другая социальная группа. Изменения на индивидуальном уровне могут способствовать трансформации мнений и больших групп, и сторон конфликта.

Работа с определенными целевыми группами

- В число людей, выразивших наибольшую готовность к урегулированию конфликта мирными средствами, вошли в первую очередь те, на кого он оказал наибольшее влияние, – жители населенных пунктов, расположенных вдоль линии прекращения огня, непосредственные участники боевых действий, те, кто сам видел смерть и разрушения (врачи, экс-комбатанты), а также молодые мужчины призывного возраста. Многие из них выразили желание встречаться с представителями другой стороны и предложили свои услуги в качестве посредников. **Следует использовать миротворческий потенциал, уже присутствующий в обществе,**

привлекая к работе тех, кто обладает непосредственным опытом войны и жизни бок о бок с представителями другой стороны. Этим людям под силу разрушить стереотипы о конфликте, друг о друге и предпринять практические шаги для продвижения усилий, направленных на достижение мира.

- **Необходимо принимать во внимание различные гендерные и поколенческие различия в восприятии конфликта**, признавая наличие интерпретаций внутри этих обществ и определенных социальных групп, кому конфликт «принадлежит». Необходим поиск различных форматов для работы с молодым поколением в Азербайджане, оторванным от реалий конфликта, и их визави в Нагорном Карабахе, которые уже обладают опытом участия в боевых действиях. Шаблонные подходы к работе с молодежью здесь могут не сработать. Существует потребность в диалоге между различными поколениями *внутри* каждого общества, который поможет свести вместе тех, кто уже прошел через войну, и тех, кто не имеет такого опыта. Полученный опыт работы в таком формате можно трансформировать в диалог между различными группами или сторонами конфликта.
- **Важно сосредоточить усилия на разрушении стереотипов и развитии возможностей для повышения уровня гражданской активности населения через параллельную работу с принимающими сообществами, с одной стороны, и беженцами и ВПЛ – с другой.** Беженцев и ВПЛ зачастую ориентируют на ожидание того, что они поедут домой и заживут счастливо. Пришло время сфокусироваться на обсуждении с ними их нужд, к чему они стремятся, и как они могут развить чувство субъектности. Работу с принимающими сторонами следует вести в плане осознания стереотипов по отношению к приезжим и потенциального риска возобновления конфликта при реализации официальных планов по их возвращению на места прежнего проживания. Следует также работать со страхами обществ – «если они вернуться» – через показ реалистичной картины желаний этих людей, через приближение понимания того, каковы индивидуальные планы людей на той и другой стороне на третьей декаде их жизни вдали от прежних домов.

Работа над дискурсом

- В работе над явлением дегуманизации следует вернуть фокус на человека, который на себя взял груз войны и этот груз стал частью его самого. Необходимо, чтобы в обществах стали обращаться к человеку, к его чувствам, мыслям, опасениям, надеждам, чтобы история человека была видна и ценна, и тогда только станет возможна перспектива осознания важности его мнения и поступков. **Открытые медийные проекты могут стать ресурсом по созданию площадки для распространения уникальных личных историй и развития эмпатии.** Этот подход может работать как на регуманизацию противника, так и на регуманизацию своих соотечественников, что впоследствии способно создать условия для появления миротворческих инициатив внутри всех обществ.
- **Необходимо направить усилия на выработку практических аргументов, чтобы мотивировать людей постараться осознать ту цену (в экономическом смысле), которую каждый из них платит за конфликт.** Если люди начнут понимать, что каждый человек, каждая семья платит не за мир, а за конфликт, это может помочь изменить динамику самого конфликта. Когда в конфликте будет обозначена, осознана и принята ценность и уникальность каждой человеческой жизни, это будет стимулировать возможную перспективу его разрешения.

- Можно констатировать, что озабоченность, которую выразили респонденты по поводу вреда, который наносится культивируемым образом врага, уже сама по себе становится шагом к формулированию практических шагов, направленных на поиск выхода из сложившейся ситуации. Если люди смогут осознать, какую серьезную угрозу обществу и молодому поколению несет в себе пропаганда ненависти и образа врага и какое влияние она может оказать на концепцию национальной идентичности, это может дать самый положительный эффект. Помимо всего прочего, имеющиеся данные³ свидетельствуют о том, что **развитие навыков критического мышления способно повысить иммунитет граждан к воздействию пропаганды**. Также следует работать в направлении дифференциации азербайджанской власти и общества, проведении четкой линии между ними в вопросах пропаганды. Это поможет укреплению тех сил, которые противостоят пропаганде и продвигают идею мирного решения конфликта.

Работа по развитию различных форм диалога

Диалог между сообществами

- Все сообщества подняли вопрос силы как понятия, имеющего почти магическое влияние на возможности управлять конфликтом. Здесь было бы полезно расчленить это понятие на более конкретные и специфичные составляющие и через анализ конфликта показать, как каждый может взять часть этой силы себе и использовать ее. Фактически это означает развитие гражданского общества, но в более широком понимании этого слова, нежели НПО. При осознании массивности конфликта сложно подойти к решениям, которые казались бы реалистичными, которые бы воспринимались как таковые. Одной из начальных точек могло бы стать вычленение того, **что** важно для людей в ежедневной жизни, начинать с так называемых маленьких вещей, которые приводили бы к позитивным результатам, таким, как ежедневная

3 H. Mueller, The economic cost of conflict, IGC working paper, pp. 8–12, 2013, <http://www.iae.csic.es/investigatorsMaterial/a152611094820archivoPdf72447.pdf>; M.M. bin Mohammad Aslam, Threat of Daesh in universities: Malaysia's experience, Counter Terrorist Trends and Analyses, Vol. 9, No. 4, 2017, pp. 13–17.

человеческая безопасность и улучшение качества жизни тех, кто живет на границе, право свободного передвижения и так далее. **До начала больших политических решений должны происходить гуманитарные решения и действия.** Это позволит создавать фон, при котором общества примут мир и как ценность, и как инструмент. Такой процесс ежедневной работы на мир, на удовлетворение базовых человеческих нужд постепенно вытеснит готовность к войне как к инструменту разрешения конфликта и заменит ее готовностью к миру.

- Умение торговать респонденты называли одной из объединяющих армян и азербайджанцев характеристик. Оно означает умение вести диалог, проявлять гибкость, умение услышать другого. Этот ресурс используется таким образом, что он на данный момент, скорее всего, затормаживает пути нахождения компромисса. Однако при работе над осознанием значимости цены позитивного мира для всех и для каждого, в обществах данный ресурс может оказаться неоценимым механизмом поиска мирного пути разрешения конфликта. **Следует развивать полемику о торговле, о выгоде, о потенциальных возможностях торговли, выгоды для всех и о видении приближения желаемого.** Концепт далекого, даже абстрактного политического мира должен присутствовать в обществах, даже если он нереален сегодня. Это поможет развивать альтернативы военной риторике.
- Поиск справедливости как общественной потребности, одинаково выраженной во всех трех обществах, может быть использован как механизм для достижения понимания возможного справедливого мира через осознание того, что наличие конфликта способствует несправедливости на разных уровнях. Общественные дискуссии **на тему социальной справедливости и ее связи с конфликтом можно использовать как объединяющий фактор для организации дискуссий** как внутри обществ, так и на уровне всех обществ.

Диалог внутри сообществ

- **Представляется крайне важным, чтобы люди пришли к пониманию того, как их визави воспринимают такие термины, как «мир» и «компромисс».** Это может стимулировать начало диалога между различными группами внутри разделенных обществ и снизить манипулятивный потенциал этих терминов. Подавляющее большинство респондентов заявили, что хотят мира. Это желание может послужить отправной точкой для начала диалога о том, какие изменения должны произойти как на уровне отдельных индивидуумов, так и на уровне общества, чтобы могло появиться ощущение достижимости мира, и что потребуются для того, чтобы сохранить его в долгосрочной перспективе. Подобный диалог поможет стимулировать понимание различий между негативным и позитивным миром и того, что люди на самом деле хотят.
- **Для продвижения мирных инициатив следует добиваться более глубокого понимания всеми вовлеченными в конфликт обществами концепции компромисса как основополагающей ценности и механизма.** На данный момент каждым обществом компромисс воспринимается лишь как то, что им ожидается от противоположной стороны. Однако стороны не прилагают достаточных усилий для того, чтобы постараться осознать, на какие уступки *они сами* готовы были бы пойти как на уровне отдельных лиц, так и на уровне всего общества. Необходим тщательный анализ потенциальных возможностей для поиска перспективы компромисса, вовлекая всех заинтересованных игроков на различных уровнях – от рядовых людей до тех, кто принимает политические решения. Такой процесс потребует поиска новых инструментов вовлечения участников, а также переформулирования самой темы диалога с заменой термина «компромисс» более приемлемыми для обществ эвфемизмами.

International Alert

346 Clapham Road, London, SW9 9AP, United Kingdom

Tel +44 (0)20 7627 6800 **Fax** +44 (0)20 7627 6900

info@international-alert.org

www.international-alert.org

Registered charity no. 327553

ISBN: 978-1-911080-88-6

/InternationalAlert

@intalert